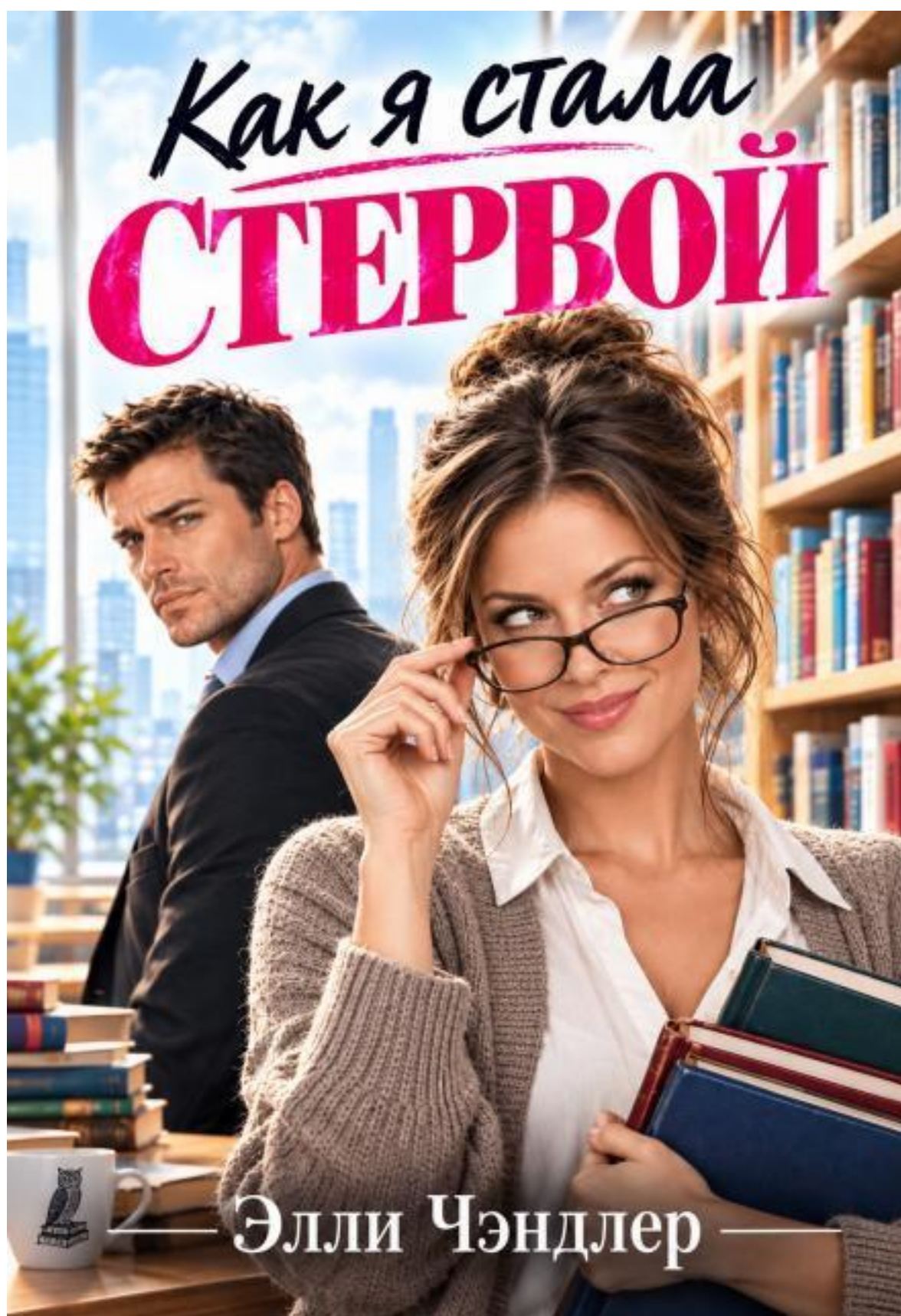

Как я стала **СТЕРВОЙ**

— Элли Чэндлер —

Элли Чэндлер

Как я стала стервой

«Литнет»

2026

Чэндлер Э.

Как я стала стервой / Э. Чэндлер — «Литнет», 2026

— Катя? — настороженно позвал он со спины. — Ты куда? Я вытерла руки полотенцем, повернулась к нему и оперлась поясницей о край кухонной столешницы:— Никуда. Я спать пойду. В гостиную, на диван. Витя моргнул. Его брови полезли на лоб:— В смысле на диван? Мы даже не договорили!— А о чем говорить, Витя? — я улыбнулась. Без злости, без сарказма — просто и устало. — Ты мне всё объяснил. Ты несчастлив, но уходить тебе лень, потому что здесь эклеры, постиранные носки и удобная жена-клуша. А там надо снимать квартиру, нести ответственность и целоваться в носик на постоянной основе. Это же напрягаться надо. Ты не любишь напрягаться.— Катя, не начинай, — он поморщился. — Давай ляжем по-человечески в спальне. Завтра проснемся, голова свежая будет...— Не будет, Витюш. У тебя теперь долго не будет свежей головы. Я подошла к столу, взяла синюю книгу и розовый стикер. Сунула их под мышку.— Книгу я пока оставляю у себя. Библиотечный экземпляр, всё-таки. А эклеры сам съешь. В них калорий много, а тебе еще делить имущество, силы понадобятся.

Содержание

ГЛАВА 1. ЧИТАТЕЛЬСКИЙ БИЛЕТ	5
ГЛАВА 2. ТЫ ВСЁ УСЛОЖНЯЕШЬ	9
ГЛАВА 3. НЕ СМЕШНО	12
ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ МИКРОФОН	15
ГЛАВА 5. ВТОРОЙ ВЫХОД	19
ГЛАВА 6. ВИДЕО	22
ГЛАВА 7. ЖАЛОБА	25
ГЛАВА 8. УВОЛЬНЕНИЕ	28
ГЛАВА 9. ТУР	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ГЛАВА 1. ЧИТАТЕЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Запах библиотеки — это смесь вековой пыли, засохшего казеинового клея и экзистенциального отчаяния тридцатилетних людей, пишущих диссертации по раннему классицизму.

Я сидела за высокой дубовой стойкой абонемента, подперев щеку кулаком, и методично нажимала сканером на штрихкоды. *Пик. Пик. Пик.*

«Методика преподавания природоведения», «Сборник задач по сопромату», тонкий потрепанный томик любовного романа с полуголым пиратом на обложке, стыдливо завернутый какой-то пенсионеркой в газету «Вестник садовода». Нормальный рабочий понедельник, второе сентября. Жизнь текла так же плавно и уныло, как остывающий ромашковый чай в моей керамической кружке с надписью «Ш-ш-ш!».

Из методического кабинета за моей спиной выплыла Тамара Львовна — наша старшая методистка и хранительница пыльных традиций. В библиотечном мире она занимала статус цербера на полставки. В руках Тамара Львовна несла пластиковый ящик с книгами, сброшенными читателями в ночной бокс возврата.

Она с глухим стуком опустила ящик на дальний край стойки, вытерла ладони о трикотажную юбку и поправила очки на бисерной цепочке.

— Екатерина, разбери ночные возвраты. Там опять какие-то умники напихали методичек без вкладышей. И ради бога, если найдешь обертки от сырков, выброси сразу в ведро под столом, а не оставляй на клавиатуре. У нас тут храм просвещения, а не помойка у вокзала.

— Тамара Львовна, сырок на клавиатуре в прошлый вторник забыли вы, — вежливо напомнила я, не отрывая взгляда от монитора.

Она поджала губы так плотно, будто сделала глоток концентрированного лимонного сока:

— Я проводила органолептический тест свежести творожного продукта в условиях пониженной влажности книгохранилища. Работай, Катя.

Цербер прошуршал войлочными тапками обратно в кабинет, прикрыв за собой фанерную дверь.

Я вздохнула, придвинула к себе ящик и взяла верхнюю стопку. Сказки Андерсена, справочник слесаря и... плотная книга в глянцево-темно-синей обложке.

«Развод: пошаговый план для тех, кто хочет уйти красиво и сохранить имущество».

Я усмехнулась. Хорошее название. Мотивирующее. Обычно такие шедевры прикладной психологии у нас берут затюканные женщины лет сорока пяти, у которых мужья пьют пиво на диване в майках-алкоголичках и ругают правительство.

Я перевернула книгу, поднесла лазерный сканер к штрих коду на форзаце. Красный луч скользнул по полоскам. *Пик.*

На экране библиотечной программы мигнуло диалоговое окно. В графе «Читатель» высветилась фамилия: *Резников Виктор Сергеевич.*

Я моргнула. Нажала клавишу обновления страницы. Фамилия не исчезла.

Витя. Мой законный муж Витенька, с которым мы делили двушку на Речном вокзале, ипотеку на стиральную машину и субботные поездки в «Ашан» за гречкой по акции.

— Да ладно, — пробормотала я вслух.

Витя не читал ничего длиннее состава на пачке пельменей последние лет пять. Чтобы Витя дошел до библиотеки своими ногами, взял читательский билет и оформил книгу — это должно было случиться второе пришествие или падение метеорита прямо на его любимый пивной ларек.

К форзацу книги канцелярской скрепкой был аккуратно приколот пластиковый читательский билет с его фотографией. На фото Витя улыбался своей фирменной придурковатой улыбкой человека, которого только что спросили: «А сколько будет семью восемь?».

Я открыла книгу посередине.

Из глубины страниц на деревянную столешницу выскользнул сложенный вчетверо розовый стикер. Тот самый плотный, ароматизированный стикер из набора «ванильные сердечки», который я видела в канцелярском отделе у метро.

Я развернула бумажку.

Почерк был круглый, девичий, с дурацкими кружочками вместо точек над буквой «ё»:

«Витюша! Адвокат сказал, что если квартира приватизирована до брака на ее маму, претендовать бесполезно. Но машину и счет в Тинькофф можно отпилить напополам. Дочитай главу 4 про брачный договор, там как раз про твою клушу написано. Жду в пятницу у меня, купи то сухое грузинское, целую в носик! Твоя Лена».

Несколько секунд я просто смотрела на бумажку. Мозг выдал короткое замыкание.

«Клуша».

Брачный договор.

Отпилить напополам.

Лена.

«Целую в носик».

Блядь. В носик он, оказывается, целуется. А дома он в этот носик три года подряд только капли от аллергии закапывал и стонал, что у него искривление перегородки и ему нужен абсолютный покой, поэтому мыть посуду должна я.

Входная дубовая дверь библиотеки распахнулась с таким грохотом, будто в здание влетел отряд спецназа.

Колокольчик над притолокой истошно заверещал. На пороге возник Витя. В расстегнутой ветровке, взмокший, с дикими глазами и торчащим вихром волос на макушке.

Он бегло оглядел пустой холл, споткнулся о резиновый коврик у входа и рысью рванул прямо к моей стойке. Дистанция между дверью и кафедрой была метров десять, и он преодолел ее за три секунды, тяжело дыша и шумно хватая ртом воздух.

Я машинально накрыла ладонью розовый стикер и синюю книгу. Рука лежала ровно, пальцы не дрожали. Наоборот, внутри разлилось странное, кристально чистое, почти космическое спокойствие. Знаете это чувство, когда цирк сгорел, а клоуны внезапно выстроились в ровный стройный хор? Вот это было оно.

Витя уперся ладонями в деревянный бортик стойки с противоположной стороны. Из-за высоты перегородки он видел только мою голову, плечи и клавиатуру терминала. Монитор был повернут под углом строго ко мне, а книги лежали прямо передо мной за бортиком.

— Катка! Фу-у-ух... — он вытер лоб рукавом ветровки, часто дыша. — Ты... ты ящик уже разбирала?

— Какой ящик, Витенька? — ласково поинтересовалась я, глядя ему прямо в переносицу.

— Ну этот... ночной! Для возвратов! — он суетливо вытянул шею, пытаясь заглянуть за барьер, но я слегка сдвинула корпус влево, перекрывая обзор. — Я там... это... шел мимо в гараж, нашел у подъезда чужой пакет с макулатурой. Думаю: дай закину в библиотеку, чё добру пропадать, пусть люди читают! А потом вспомнил, что случайно сунул туда документы по работе! Папку синюю такую!

— Папку по работе? — переспросила я, медленно поглаживая корешок пособия по разводу под ладонью.

— Да! Синяя такая, толстая! Отчеты по логистике за третий квартал! Жутко важная вещь, начальник убьет нахрен, если потеряю! Ты ее не видела?

Я опустила взгляд под стойку. На синей обложке золотом горело: «Как забрать максимум у бывшего партнера и не сесть в лужу». Рядом лежал стикер с «носиком».

— Знаешь, Витя, логистика — это удивительная наука, — задумчиво протянула я. — Особенно когда груз идет налево, а накладная выписывается на Лену.

Витя замер.

Его лицо за полторы секунды сменило три оттенка: от пунцово-красного через землисто-серый к цвету несвежего обезжиренного кефира.

— Ч-что?.. — сипло выдавил он.

Я медленно подняла со стола синюю книгу двумя пальцами, словно дохлую крысу за хвост, и положила ее на верхний бортик стойки прямо перед его носом.

Сверху лег розовый ванильный стикер. Текстом вверх.

— Твоя «папка по работе», Витюш. Читательский билет номер 4082. Срок возврата, кстати, истек в прошлую пятницу. С тебя пеня сорок рублей. Картой или наличными закрывать будешь, стратег хренов?

Витя выпучил глаза на стикер. Его правая рука дернулась вперед, чтобы сгрести улику, но я молниеносно прижала бумажку ладонью обратно к деревянной полке:

— Руки на ширину плеч, Резников. Документ находится на балансе библиотеки.

— Катя... ты... ты всё неправильно поняла, — пролепетал он классическую фразу всех идиотов вселенной. — Это... это не мое. Это Колька попросил взять! У него жена стерва, он разводиться хочет, а сам светиться боится!

— А читательский билет тоже Колькин? — я щелкнула ногтем по пластиковой карточке с его круглой физиономией. — И носик у тебя общий с Колькой? И в пятницу ты к Кольке пойдешь сухое грузинское пить?

Дверь методического кабинета с тихим скрипом приоткрылась. В щель высунулся острый нос Тамары Львовны с очками:

— Екатерина! У нас на абонементе не повышают голос! Что за шум?

Витя втянул голову в плечи.

Я медленно убрала ладонь с книги, аккуратно свернула розовый стикер пополам и сунула его в карман своего кардигана. Книгу подвинула ближе к себе.

— Никакого шума, Тамара Львовна, — крикнула я спокойным, звонким голосом. — Читатель просто пришел оформить продление литературы. Тематика специфическая. «Семейное право и утилизация мелких паразитов».

Тамара Львовна неодобрительно хмыкнула и скрылась в кабинете.

Витя стоял у стойки, вцепившись пальцами в дерево. Глаза его бегали по холлу, словно он искал пожарный выход или возможность телепортироваться в другое измерение.

— Кать... давай дома поговорим, а? — прошептал он, нагибаясь ближе. — Не пори горячку. Мы шесть лет вместе. Это просто ерунда. Поговорим вечером, ладно?

Я посмотрела на него.

Шесть лет. Шесть долгих лет я стирала его носки, варила ему борщи, слушала его рассуждения о том, что женщины не умеют шутить, и гасила свет в спальне ровно в одиннадцать, потому что «Витеньке завтра рано вставать на склад». А Витенька в это время зубрил четвертую главу о том, как отпилить у клуши машину.

Внутри что-то щелкнуло. Не лопнуло с болью, а именно щелкнуло, как выключатель на лестничной клетке. Темнота кончилась. Зажегся ослепительно яркий, безжалостный свет.

— Дома? — я улыбнулась. Самой широкой, милой и людоедской улыбкой библиотекаря высшей категории. — Конечно, Витенька. Обязательно поговорим дома. Только сначала я дочитаю четвертую главу. Надо же знать, к чему готовиться на твоих семинарах по логистике.

Я взяла сканер, прицелилась ему прямо в лоб красной точкой прицела и нажала кнопку.

Пик.

— Свободен, читатель. И не забудь: книги надо сдавать вовремя. Иначе штрафы сожрут твой бюджет на сухое грузинское.

Витя попятился к выходу, спотыкаясь на ровном месте, неловко толкнул входную дверь плечом и вывалился на улицу.

Я осталась одна за стойкой абонента.

Взяла синюю книгу, раскрыла четвертую главу, налила в кружку глоток остывшего ромашкового чая и впервые за последние шесть лет искренне, от души рассмеялась.

ГЛАВА 2. ТЫ ВСЁ УСЛОЖНЯЕШЬ

Самое сложное в измене — это не сам факт того, что твой муж спит с кем-то еще. Самое сложное — это осознать, насколько убого и бездарно он это обставил.

Никаких тайных номеров в швейцарских отелях, никаких зашифрованных переписок в секретных чатах. Библиотечный абонемент, блядь. Интеллектуальный крах отечественной логистики.

Я сидела за круглым кухонным столом нашей двушки. На клеенке с блеклыми лимонами стояла моя любимая толстостенная кружка. Я методично опустила в кипяток два куса рафинада. *Бульк. Бульк.*

Посередине стола, словно гранитный памятник семейной идиллии, лежала синяя книга. «Развод: пошаговый план». На ней сверху — розовый стикер с кружочками над «ё» и поцелуями в сопливый Витин носик.

В замке входной двери заскрежетал ключ.

Два оборота. Щелчок. Дверь открылась, впустив запах осеннего подъезда и влажного асфальта.

— Катюш? Ты дома? — голос Вити звучал нарочито бодро, с той противной, паточной интонацией, с которой обычно разговаривают с душевнобольными или с собаками, нагадившими на ковер.

Я не ответила. Помешала чай ложкой. Звон серебра о керамику получился громким и отчетливым.

Шуршание снимаемой куртки в прихожей. Глухой стук ботинок о полку. Витя потоптался у зеркала — я слышала, как он приглаживает пятерней волосы, настраивая на лице выражение «уставший, но благородный добытчик».

Он вошел на кухню. В руках — шуршащий крафтовый пакет из кондитерской у метро.

— А я эклеры принес, — он фальшиво улыбнулся, выставляя пакет перед собой, как щит от ядерного удара. — Твои любимые, с заварным кремом. Помнишь, ты говорила, что...

Фраза застряла у него в горле.

Взгляд Вити упал на центр стола. На синюю гляцевую обложку. На розовую ванильную бумажку.

Улыбка сползла с его лица медленно, как подтаявший студень. Рука с пакетом дернулась вниз. Витя поставил эклеры на край тумбы у холодильника, словно боялся подойти ближе к столу.

— Чай остынет, Витя, — спокойно сказала я, сделав глоток. — Садись. Расскажешь, как продвигается освоение четвертой главы. Ты ведь, кажется, до нее вчера так и не дошел?

Витя сглотнул. Кадык на его шее дернулся вверх-вниз.

Он обошел стол по широкой дуге, держа дистанцию метра в полтора, и выдвинул стул напротив меня. Сел на самый краешек, уперев колени в край столешницы. Руки положил на колени под столом — поза школьника, которого поймали за курением за гаражами, но он всё ещё надеется доказать, что сигарета сама залетела ему в карман.

— Кать... — начал он мягким, глубоким голосом. Тот самый тембр, которым он обычно убеждал тещу, что дачный забор покосился исключительно из-за гравитационных аномалий Подмосковья. — Я весь день на работе сам не свой был. Из рук всё валится. Нам надо спокойно, по-взрослому поговорить.

— Давай по-взрослому, — согласилась я. — Начнем со списка имущества. Машину ты, значит, решил отпилить? «Хендай Солярис» двенадцатого года с битым левым крылом? Серьезный куш, Витюш. За такой и в суде пободаться не грех.

Витя поморщился, будто у него внезапно заныл зуб:

— Катя, прекрати ёрничать. Ну зачем ты сразу начинаешь цирк? Ты же умная женщина.

— Спасибо за комплимент. Жаль, Лена считает меня просто «клушей». Ей, наверное, виднее. Вы давно консультируетесь по поводу моих умственных способностей?

Витя шумно выдохнул через нос, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Классическая фаза номер два: переход от фальшивого раскаяния к праведному мужскому раздражению.

— Да господи, Катя! — он закатил глаза к потолку. — Ты всё усложняешь! Ну вот вечно ты из мухи раздуваешь слона!

— Я раздуваю? — я искренне восхитилась наглости конструкции.

— Конечно ты! — он приободрился, нащупав привычную колею. — Ну нашла ты эту чертову книгу. Ну оставила мне знакомая записку. Да, неловко вышло. Да, я сглупил, что в библиотеку записался. Но ты ведешь себя так, будто я семью предал!

— А ты не предал? — я наклонила голову набок, разглядывая его лицо. Ни морщинки раскаяния. Только досада на то, что капкан захлопнулся слишком громко.

— Нет, не предал! — отрезал Витя, повысив голос. — У нас с Леной... это просто общение! Ну флирт, ну встретились пару раз в кафе! Ничего серьезного там не было! А записка... Господи, да девчонка просто перегнула палку! Она эмоциональная, наслушалась своих подружек-разведенек, вот и ляпнула глупость про имущество.

— И в носик она тебя целует исключительно в рамках дружеского общения? — уточнила я. — Наверное, по-соседски? Как пионера ветерана?

Витя дернул щекой:

— Да какая разница, что там написано?! Ты суть улови! Я дома? Дома. Зарплату приношу? Приношу. Я от тебя ушел? Нет! А ты из-за сраной бумажки готова перечеркнуть шесть лет нормальной жизни!

Нормальной жизни.

Я посмотрела на белую кружку. На трещинку у ручки. На кухонную занавеску, которую я выбирала три года назад, чтобы «создать уют».

— Вить, скажи честно, — тихо спросила я. — Ты ведь несчастлив со мной?

Он замер. Вопрос явно выбил его из заготовленного сценария обороны. Он ждал слез, истерики, криков «Кто она такая?!», битья чашек об пол. Он готовился утешать, снисходительно гладить по голове и великодушно обещать, что «больше никаких Лен не будет, если ты перестанешь выносить мозг».

А я спросила спокойно.

Витя опустил глаза на свои сцепленные пальцы. На секунду — всего на одну крошечную секунду — его наглая броня треснула, и из-под нее выглянул настоящий Витя: трусливый, инфантильный мальчик, который смертельно боится взрослой ответственности.

— Ну... — пробормотал он, глядя куда-то в район сахарницы. — Мы как-то... увяли, Кать. Всё одно и то же. Работа, магазин, телевизор. Секс по расписанию в субботу утром, если голова не болит. Ты вечно в своих книжках, молчишь, думаешь о чем-то. С тобой... скучно стало. Как на кладбище.

— И поэтому ты решил втайне проконсультироваться с юристом, чтобы втихую выгрести совместный счет в банке?

— Я просто страховался! — снова вскинулся он, мгновенно пряча минутную искренность обратно под маску агрессии. — Потому что знаю твой характер! Ты же за копейку удавишься, если обидишься! Мама твоя сразу на дыбы встанет, начнет судами грозить! Я просто хотел... чтобы всё было цивилизованно!

— Цивилизованно, — повторила я. Слово перекатывалось на языке, как сухой песок. — Понятно.

Я встала со стула.

Витя инстинктивно вжал голову в плечи, ожидая удара или скандала. Но я просто взяла свою чашку, подошла к раковине и вылила остатки чая. Включила кран. Вода с шумом смыла коричневые потеки.

— Кать? — настороженно позвал он со спины. — Ты куда?

Я вытерла руки полотенцем, повернулась к нему и оперлась поясницей о край кухонной столешницы:

— Никуда. Я спать пойду. В гостиную, на диван.

Витя моргнул. Его брови полезли на лоб:

— В смысле на диван? Мы даже не договорили!

— А о чем говорить, Витя? — я улыбнулась. Без злости, без сарказма — просто и устало. — Ты мне всё объяснил. Ты несчастлив, но уходить тебе лень, потому что здесь эклеры, постиранные носки и удобная жена-клуша. А там надо снимать квартиру, нести ответственность и целоваться в носик на постоянной основе. Это же напрягаться надо. Ты не любишь напрягаться.

— Катя, не начинай, — он поморщился. — Давай ляжем по-человечески в спальне. Завтра проснемся, голова свежая будет...

— Не будет, Витюш. У тебя теперь долго не будет свежей головы.

Я подошла к столу, взяла синюю книгу и розовый стикер. Сунула их под мышку.

— Книгу я пока оставляю у себя. Библиотечный экземпляр, всё-таки. А эклеры сам съешь. В них калорий много, а тебе еще делить имущество, силы понадобятся.

Я вышла из кухни в коридор, чувствуя его ошарашенный, непонимающий взгляд между лопаток.

В гостиной я бросила книгу на журнальный столик, достала из шкафа старый клетчатый плед и легла на узкий диван.

В спальне хлопнула дверь. Потом зашумела вода в ванной. Витя чистил зубы. Жизнь продолжалась в своем привычном ритме, но внутри меня шестеренки старого часового механизма окончательно встали.

Шесть лет я старалась быть незаметной. Старалась не раздражать, сглаживать углы, извиняться первой, даже когда на ногу наступали мне. Я думала, что это называется «сохранять семью».

Оказалось, это называлось «быть удобной мебелью».

Я протянула руку к нижней полке журнального столика и вытащила толстую тетрадь в серой картонной обложке. На титульном листе черным маркером было криво выведено: «*Не смешно*». Мой тайный архив шуток, наблюдений и мыслей, которые я копила десять лет, с тех самых пор, как Витя заржал над моей первой заявкой на стендап и сказал: «Катька, ну какой из тебя комик? Ты же библиотекарь, не позорься».

Я щелкнула автоматической ручкой, открыла чистый разворот и вывела на белой бумаге:

«Мой муж изменяет мне по читательскому билету. Видимо, боялся, что если спалится в Тиндере, там придется платить за премиум-аккаунт, а в районной библиотеке блуд пока выдают бесплатно».

Я перечитала строчку. Усмехнулась в темноту пустой комнаты.

Кажется, на самом деле это было довольно смешно.

ГЛАВА 3. НЕ СМЕШНО

Неделя молчания в одной квартире с человеком, который отпилил твой «Солярис» в мечтах своей секретарши, превращает воздух в стекловату. Ты им дышишь, а горло дерет.

Витя выбрал идеальную тактику домашнего слизня: он не извинялся, не скандалил и не собирал чемодан. Он просто вел себя так, будто мы оба заболели легкой простудой. По утрам он тихо шуршал пакетом овсяных хлопьев, оставлял на кухонном столе невымытую ложку и уходил на свою логистическую базу до того, как я открывала глаза в гостиной на диване. Книгу «Развод: пошаговый план» я переложила на сервант прямо поверх бабушкиного хрусталя. Витя обходил сервант по широкой дуге, словно там стояла открытая банка с радиоактивным положением.

В понедельник в обеденный перерыв я сидела в полуподвальном кафе «Бублик» напротив библиотеки.

Передо мной остывала чашка черного чая. Рядом, на салфетке, аккуратно лежали два кусочка рафинада. По привычке. Сахар я так и не бросила.

Напротив, на ярко-желтом пластиковом стуле, сидела Марина. Наша младшая библиотечарша из отдела периодики, человек с внешностью тихого одуванчика и хваткой питбуля. Марина жевала маковый рулет, кроша глазурью на полированный стол, и не отрывала от меня подозрительных круглых глаз.

— Ты бледная, как формуляр шестидесятого года, — констатировала она, проглотив кусок. — Львовна на абонементе уже три раза спросила, не подхватила ли ты мышиную лихорадку в книгохранилище. Резников до сих пор спит в спальне?

— Спит, — я дернула уголок рта. — В позе эмбриона. Очень компактно. Экономит жилплощадь перед разделом имущества.

— А ты?

— А я на диване. Спина затекла так, будто меня вчера разгружали вместе с подшивками «Советского спорта».

Я полезла в тряпичную сумку, стоявшую у моих ног. Пальцы нащупали плотную обложку. Серая тетрадь с надписью «Не смешно» легла на стол. Уголки потрепались, картон на сгибе побелел. Из-под форзаца торчал желтый край сложенного вчетверо альбомного листа.

Та самая заявка.

Десять лет назад. Мне двадцать два года, у меня смешная челка, непоколебимая вера в собственный сарказм и распечатанная анкета на первый городской фестиваль комедии.

Витя тогда нашел ее на кухонном подоконнике. Взял двумя пальцами, покрутил перед моим носом и заржал: *«Комик из библиотекаря? Катька, ну ты насмешила! Там же со сцены мотом орут и член сорок минут обсуждают. А ты Тургенева от Бунина по запаху отличаешь. Сиди на попе ровно, не позорься»*.

И я села. Ровно на десять лет. Настолько ровно, что приросла к стулу абонемента.

— Достала? — Марина подалась вперед, перестав жевать. Глаза за толстыми стеклами очков вспыхнули азартом.

— Достала, — я положила ладонь на тетрадь.

Экран моего телефона, лежащего экраном вверх рядом с сахарницей, вдруг ожил. Завибрировал по гладкой поверхности стола со звуком взлетающего шмеля: *вж-жж-жж, вж-жж-жж*.

На дисплее высветилось: «Мама».

Я поморщилась. Марина сочувственно втянула голову в плечи и отодвинулась.

Я провела пальцем по зеленому кружку, включила громкую связь и положила аппарат обратно на стол.

— Да, мам.

— Катя, почему ты берешь трубку на шестом гудке? — строгий, скрипучий голос Нины Петровны заполнил пространство между чашками. Никаких приветствий. Сразу протокол допроса. — У тебя что-то с голосом. Ты не обедала?

— Обедаю, мам. В «Бублике».

— Вечно ты хватаешь эту сухомятку, — с тяжелым вздохом выдала трубка. — Виктор звонил вчера вечером.

Я замерла. Пальцы на обложке тетради слегка сжались.

— Вот как? И что сказал Виктор?

— Сказал, что ты уже неделю ведешь себя странно. Раздражаешься на пустом месте, на диван ушла. Говорит, у тебя опять осенняя хандра. Катя, тебе тридцать два года. Мужчина приходит со службы усталый, ему нужен нормальный горячий суп и спокойная жена, а не твои демонстративные обиды! Ты что, хочешь, чтобы он на сторону пошел? Мужика в доме держать надо, а не углы точить!

Марина за столом медленно открыла рот и беззвучно выругалась одними губами.

Я сделала медленный вдох через нос. Воздух отдавал дешевым ванилином и корицей.

— Мам, он уже сходил, — тихо сказала я.

В трубке повисла тишина. Ровно на три секунды.

— Что ты несешь? — с нажимом переспросила Нина Петровна. — Катя, не придумывай глупостей. У Вити прекрасная семья, хорошая стабильная работа в снабжении. Ну посмотрел на кого-то, ну улыбнулся — вы, молодые, сейчас из каждого чиха трагедию делаете! Ты на себя в зеркало давно смотрела? Кардиган этот серый сними, помаду купи нормальную. Мужчине глаз радовать надо! А то останешься одна на бобах, как...

Она осеклась. Не договорила: «как я».

Нина Петровна вырастила меня одна в однушке с текущим краном. Она сорок лет преподавала химию в вечерней школе, а по ночам прятала в бельевом шкафу вырезки из журналов «Советский экран» с монологами Райкина и стихами Ахмадулиной. Она сама когда-то мечтала о театральном училище. Но побоялась позора, побоялась нестабильности, вышла замуж за надежного слесаря, который испарился через два года, оставив ей меня и ненависть ко всем, кто пытается высунуться из строя.

— Я не останусь на бобах, мам, — сказала я ровно. — У меня есть зарплата в библиотеке. Целых двадцать восемь тысяч.

— Вот и держись за свое место и за мужа! — отрезала мать. — И прекрати этот бабий бунт. Вечером приготовь плов. Витя любит плов.

Связь оборвалась. Короткие гудки прозвучали как щелчки револьверного барабана.

Я нажала отбой.

Марина осторожно протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей прохладной рукой:

— Пиздец, Кать. Извини, но это чистый пиздец.

— Классика жанра, — я усмехнулась, хотя внутри всё сжалось в тугую, холодную ком. — «Приготовь плов, пока он делит твой Солярис». Отличная эпитафия для моего брака.

Я открыла тетрадь «Не смешно».

Белые листы в линейку были исписаны за последние пять ночей. Короткие, злые заметки, выведенные красной капиллярной ручкой. Никаких книжных метафор. Только сухое, злое мясо реальности:

«Мужчины в браке делятся на два типа: те, кто уходят по-мужски, и те, кто оформляют на любовницу читательский билет, чтобы сэкономить на бумаге».

«Мама считает, что если мужчина изменяет, надо сварить плов. Видимо, рис впитывает чужие женские духи лучше, чем активированный уголь».

«Мы шесть лет жили душа в душу. Ну, как в душу... Моя душа молчала в тряпочку, а его — выбирала цвет обивки на диване».

Марина перегнулась через стол, близоруко щурясь на строчки:

— Это... это смешно, Кать. Это реально очень зло и очень смешно.

— Витя говорит, что стендап — это для шлюх и неудачников.

— А Витя у нас теперь главный культуролог района? — фыркнула Марина. Она выдернула из кармана свой смартфон, быстро постучала ногтями по стеклу и развернула экран ко мне: — Смотри. Бар «Три стула» на Новослободской. У них открытый микрофон двадцатого сентября, в пятницу. Регистрация закрывается сегодня в четырнадцать ноль-ноль. Остался один свободный слот на три минуты.

На экране светилась простая гугл-форма: *«Имя / Псевдоним / Хронометраж / Опыт выступлений»*.

Мое сердце глухо и тяжело ударило в ребра.

Три минуты. Всего сто восемьдесят секунд перед микрофоном в прокуренном подвале. Не перед пенсионерками с садовыми газетами, не перед Тамарой Львовной, а перед живыми, чужими людьми, которым глубоко плевать на мои библиотечные формуляры.

— Я не смогу, — выдохнула я, отстраняясь от телефона. — Маринка, я умру там. У меня голос сядет. Я заикаться начну.

— Не начнешь, — жестко сказала Марина. В ее круглых глазах вдруг прорезалась та самая сталь, которой она обычно отшивала пьяных дебоширов, пытавшихся прорваться в библиотечный туалет. — Ты десять лет молчала, Резникова. Десять сраных лет! Ты плов варила, когда тебе в морду плевали! Если ты сейчас не нажмешь эту кнопку, ты так и сдохнешь на диване в гостиной, слушая, как он за стеной соплит в подушку.

Я посмотрела на экран.

Потом — на красную ручку в тетради. На два куска сахара, которые так и остались лежать на салфетке.

Хватит подслащивать помой.

Я забрала телефон из рук Марины. Пальцы слегка подрагивали, но нажатия на виртуальные клавиши вышли четкими:

Имя: Екатерина Резникова. Хронометраж: 3 минуты. Опыт: Ноль. Тема: Утилизация бытовых паразитов.

Большой палец завис над синей кнопкой «Отправить».

В ушах снова зазвучал снисходительный смешок Вити десятилетней давности: *«Комик из библиотекаря? Ну ты насмешила»*.

— Насмешила, Витюш, — прошептала я одними губами. — Ты даже не представляешь, как.

Я вдавила палец в экран.

Страница мигнула. Появилась зеленая галочка: *«Ваша заявка принята. Ждем 20 сентября в 19:30. Бар «Три стула». Не опаздывайте»*.

Марина шумно выдохнула и с размаху хлопнула ладонью по столу:

— Да! Черт возьми, да!

Я сидела, глядя на зеленую галочку, и чувствовала, как внутри, где всю жизнь был только затхлый страх и желание быть хорошей девочкой, разливается обжигающий, злой огонь.

Назад дороги не было. Плов отменяется.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ МИКРОФОН

Если рай для библиотекаря — это прохладный зал с высокими стеллажами и запахом свежей типографской краски, то бар «Три стула» на Новослободской был его персональным чистилищем.

Подвальное помещение пахло пролитым темным пивом, прогорклым фритюром и дешевым вейпом со вкусом химозного манго. Узкая бетонная лестница вела вниз, в сырой полумрак. С потолка свисали черные вентиляционные трубы, замотанные серебристым скотчем, а в дальнем углу на помосте из сколоченных паллет возвышалась «сцена» — круглый ковер с вытертым ворсом, освещенный единственным желтым софитом.

Посреди ковра на металлической палке торчал микрофон.

Я замерла у входа, судорожно вцепившись в ремешок холщовой сумки на плече. Желудок моментально скрутило тугим узлом, во рту пересохло так, словно я только что съела горсть библиотечной пыли.

«Развернись и уйди», — зашептал в голове вѣдливый, благоразумный голос Нины Петровны. — «Купи в кулинарии готовые котлеты, приди домой, разогрей Вите. Он же мужчина, ему надо...»

— Ты Екатерина? — раздался сбоку хриловатый, спокойный голос.

Я вздрогнула. Возле барной стойки стоял высокий мужчина лет тридцати восьми в черной водолазке с засученными рукавами. Лицо худощавое, трехдневная щетина, темные круги под глазами человека, который спит урывками между ночными сменами и утренней инвентаризацией. В руках он держал планшет со списком участников.

— Резникова? — уточнил он, сверяясь со списком.

— Да, — выдавила я сиплым фальцетом, тут же откашлялась и добавила нормальным тоном: — То есть я. Соколова по паспорту, Резникова по недоразумению.

Мужчина на секунду оторвал взгляд от планшета. Глаза у него оказались цепкими, цвета темного янтаря, с усталыми морщинками в уголках.

— Я Олег. Веду и организую этот балаган. Хронометраж три минуты. На двух минутах тридцати секундах моргну фонариком телефона из-за пульта. Увидишь свет — сворачивайся. Переберешь время хотя бы на пятнадцать секунд — я просто вырублю звук, поняла?

— Поняла, — я кивнула, чувствуя, как немеют кончики пальцев.

Олег подошел к помосту, поднялся на ступеньку, взял микрофон за стойку и дважды щелкнул по защитной сетке пальцем: *тум, тум*. Колонка глухо отозвалась. Он поправил шнур, проверил фиксатор высоты и шагнул обратно к барной стойке, где стоял микшерный пульт. Профессиональная, механическая привычка человека, который не верит технике на слово.

В зале сидело человек тридцать. Пятничный вечер, дешевое разливное пиво, столики заставлены тарелками с сухариками. Большинству не было дела до сцены — они пришли выпить после рабочей недели и поорать.

Первым вышел парень в худи с надписью «Охрана». Он семь минут нудно, заикаясь, рассказывал о том, как у него чешется яйцо в метро. Зал вяло жевал чипсы. Кто-то громко рыгнул у туалета.

Второй комик орал матом про бывшую, которая забрала у него кальян. Зрители оживились только тогда, когда он уронил микрофонную стойку.

— Следующая — Екатерина Резникова, дебют, — бросил Олег в рабочий микрофон у пульта, даже не поднимая головы от секундомера. — Похлопайте, человеку страшно.

Хлопнули два человека: скучающая барменша и пьяный мужик в кепке у колонны.

Ноги стали ватными. Я сняла сумку, опустила ее на свободный табурет возле барной стойки, сунула правую руку в карман кардигана и нащупала сложенный вчетверо листок со спасительными строчками из тетради.

Сделай шаг. Просто сделай три шага.

Я поднялась на паллеты. Желтый софит ударил прямо в глаза, ослепив и отрезав зал черной стеной полумрака. Лица людей превратились в размытые темные пятна. Видны были только светящиеся экраны смартфонов и блеск пивных бокалов.

Я подошла к стойке. Схватила за микрофон обеими руками, словно это был поручень в резко затормозившем трамвае. Железо оказалось холодным и липким.

Тишина. Гудение трансформатора.

В горле образовалась пробка из песка. Все остроумные подводки, которые я репетировала перед зеркалом в ванной, пока Витя храпел за стенкой, испарились. Мозг превратился в чистый формуляр без единой записи.

— Э-э-э... здравствуйте, — проскрипела я. Микрофон издал противный свист обратной связи.

Олег у пульта мгновенно дернул ползунок вниз, приглушая частоту, и выразительно постучал пальцем по циферблату наручных часов: *время идет*.

— Я... я работаю в библиотеке десять лет, — начала я, глядя в темноту перед собой. Голос дрожал так, будто меня колотила лихорадка. — И знаете... люди думают, что книги — это скучно. Но на самом деле классическая литература учит нас терпению. Например, Анна Каренина терпела-терпела, а потом... ну... поезд...

В зале воцарилась гробовая, вязкая тишина. Ни единого смешка. Кто-то за третьим столиком шумно втянул пивную пену через трубочку. Мужик в кепке отвернулся к экрану телевизора, где без звука крутили футбол.

Полный провал. Бездарный, позорный, липкий кошмар. Я увидела себя со стороны: тридцатичетырехлетняя тетка в унылом сером кардигане, брошенная жена, читающая лекцию пьяным завсегдатаям пивнухи.

«Комик из библиотекаря? Катька, ну ты насмешила! Не позорься».

Голос Вити зазвучал в ушах так отчетливо, будто он стоял прямо здесь, за первой линией столиков. Сытый, ленивый, снисходительный смех человека, который шесть лет вытирал об меня ноги и мерял мою жизнь стоимостью эклеров по скидке.

И тут внутри что-то лопнуло. Сгорел страх. Сгорело желание понравиться. Осталась только чистая, концентрированная, ледяная злость.

Я выдернула микрофон из стойки. Железная клипса щелкнула.

Сложенный листок со спасительными заготовками в кармане кардигана так и остался нетронутым. К черту заготовки.

Я шагнула на самый край помоста, ближе к темноте, и заговорила другим голосом — не библиотечным, извиняющимся шепотом, а тем низким, сухим тоном, которым ставят диагнозы:

— На самом деле я пришла сюда не за литературой. Две недели назад я узнала, что муж мне изменяет.

Пара человек в первом ряду оторвались от бокалов.

— И знаете, как я это узнала? Не через переписку. Не по запаху чужих духов. Мой муж оформил на любовницу читательский билет в моей же библиотеке.

Зал замер. Олег у пульта медленно поднял голову от планшета.

— Он взял книгу по психологии развода, вложил внутрь записку от любовницы, где они обсуждают, как отсудить у меня десятилетний «Солярис», и забыл вернуть вовремя! Просрочил на три дня! Я держала в руках этот формуляр и думала: господи, я шесть лет стирала носки человеку, который даже предать меня не смог без библиотечной задолженности в сорок рублей!

В дальнем углу кто-то фыркнул.

— Вы понимаете уровень экономии? — я подалась вперед, глядя прямо в темный зал. — Мужики обычно ведут любовниц в ресторан. Снимают апартаменты в Сити. Мой Витя повел бабу в сектор научно-популярной литературы! Потому что там тепло, бесплатно и Тамара Львовна шикает, если они начинают громко вздыхать! Он сэкономил даже на грехе! Когда он прибежал в библиотеку забирать эту улику, он на голубом глазу сказал мне: «Катя, это папка по логистике, а записку мне подкинули враги». Мужу тридцать пять лет! Логистика блуда через абонементный отдел!

Зал взорвался.

Сначала заржал парень у колонны — громко, раскатисто, ударив ладонью по столу. За ним покатались девчонки за средним столиком. Через секунду хохотал уже весь подвал. Это был не вежливый гул, а тот самый утробный, освобождающий смех толпы, узнавшей абсолютную, неприкрытую, убогую правду жизни.

Звуковая волна физически ударила мне в грудь.

Сердце пропустило удар. Воздух вокруг стал плотным, горячим, электрическим. Они смеялись. Не надо мной — они смеялись *вместе* со мной.

Из темноты за пультом дважды коротко мигнул белый луч телефонного фонарика. Две с половиной минуты.

Я выдохнула в микрофон:

— В общем, я поняла одну вещь: книги я прощаю. Мужей — пока нет. Но читательский билет я ему аннулировала. Пусть теперь трахается по полной стоимости в книжном магазине.

Я воткнула микрофон обратно в стойку со щелчком, повернулась и сошла с паллет.

За спиной загрохотали аплодисменты. Настоящие, громкие, с одобрительным свистом из темноты.

Колени предательски дрожали. Я дошла до барной стойки, вцепилась руками в край деревянной столешницы и опустила голову, пытаясь перевести дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, виски пульсировали.

Рядом тихо скрипнул высокий барный стул.

Олег опустил на стойку планшет с таймингом, неторопливо пододвинул ко мне стакан с водой со льдом и бросил короткий, оценивающий взгляд:

— Первые полторы минуты была полная хуйня. Мертвечина из дома культуры.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как краска стыда заливает щеки.

— Но потом... — он замолчал, крутя в пальцах зажигалку. В его янтарных глазах не было снисходительности, только сухой профессиональный интерес. — Шутка про сорок рублей пени за измену — это живое мясо. Зал проснулся.

— Я... я случайно, — пробормотала я, беря ледяной стакан дрожащими пальцами.

— Случайно в этом подвале только сифилис подхватывают, — отрезал Олег без тени улыбки. Он перевернул страницу в планшете и постучал ручкой по пустой графе следующей недели: — Четвертого октября в восемь вечера. Слот на пять минут. Напиши нормальный сет про свой развод. Без Чехова и Карениной.

Я замерла со стаканом у губ:

— Я не уверена, что смогу еще раз...

Олег поднялся, закинул планшет под мышку и посмотрел на меня сверху вниз — жестко, прямо, без капли жалости:

— Сможешь. У тебя голос есть, Резникова. Теперь главное — не заткнись обратно.

Он повернулся и зашагал к пульту объявлять следующего участника.

Я сделала глоток ледяной воды. Достала из кармана серый телефон. На заблокированном экране висели два уведомления:

Марина (19:58):«Ну как?! Ты жива?! Напиши, я ногти сгрызла!» *Витя (20:05):*«Кать, ты где ходишь? В холодильнике только суп позавчерашний. Свари пельмени, я голодный с базы приехал».

Я удалила сообщение Вити, не читая до конца, открыла диалог с подругой и быстро набрала четыре слова:

«Жива. Четвертого октября снова».

ГЛАВА 5. ВТОРОЙ ВЫХОД

Если перед первым выходом на сцену ты боишься умереть, то перед вторым — боишься жить дальше после позора.

Первый раз можно списать на аффект. Ну, сорвало крышу у библиотечарши, вывалила на пьяную толпу грязное белье своего мужа-недоумка, толпа поржала под пиво и разошлась. Но выйти во второй раз — это уже осознанный диагноз. Это значит добровольно встать под свет софита и расписаться в том, что ты действительно собираешься шутить про свой разваливающийся брак за бесплатный вход в подвал.

Я сидела в подсобке бара «Три стула» на перевернутом деревянном ящике из-под чешского лагеря.

Подсобка напоминала декорацию к криминальной хронике: стены, выкрашенные ядовито-синей масляной краской, ржавая раковина в углу, стойкий запах сырого картона и батарея пустых кегов. На кривом гвозде висело мутное треснутое зеркало, из которого на меня таранилась бледная женщина с размазанной тушью под нижними веками.

Ладони были ледяными и влажными. Сложенный вчетверо листок бумаги с тезисами нового пятиминутного сета в заднем кармане джинсов казался раскаленной чугунной пластиной.

«Не смогу. Я просто не выйду. Развернусь через черный ход и уеду на метро», — стучало в висках.

Я вскочила с ящика, схватила с вешалки пальто и метнулась к узкой железной двери, ведущей во внутренний двор.

Дверь распахнулась до того, как мои пальцы коснулись задвижки.

В проеме вырос Олег. В той же неизменной черной водолазке, с планшетом под мышкой и бумажным стаканчиком эспresso в руке. Его худощавая фигура перекрыла узкий выход целиком.

— Куда намылилась, Резникова? — спросил он ровно, даже не моргнув.

— Домой, — сипло ответила я, пряча руки в карманы. — У меня температура. И... и картотека не разобрана. Завтра инспекция из департамента культуры.

Олег сделал глоток кофе, медленно опустил стаканчик на верхний ящик и смерил меня взглядом с головы до пят:

— Картотека, значит. А лицо у тебя белое, как потолок в морге, тоже из-за департамента культуры?

— Олег, отпусти меня, пожалуйста, — взмолилась я, чувствуя, как предательски подрагивает нижняя губа. — Первый раз был чистой случайностью! Я просто была в истерике! Сегодня ничего не выйдет. Я забыла все слова. Я пустая. Там сидят люди, они пришли отдыхать, а я сейчас выйду и буду мямлить про сковородки!

Олег шагнул внутрь каморки, заставив меня попятиться обратно к ящикам, и захлопнул за собой дверь. Щелкнул щеколдой.

— Слушай сюда, Екатерина, — заговорил он жестко, чеканя каждое слово. — Первый раз сюда приходят все. Студенты, клоуны, обиженные брошенки, пьяные менеджеры. Девяносто процентов из них срут после первого же успеха и больше никогда не берут микрофон. Потому что обоссаться во второй раз в сто раз страшнее.

— Вот именно! — подхватила я. — Поэтому я...

— Поэтому ты сейчас заткнешься, снимешь пальто и пойдешь на сцену, — перебил он ледяным тоном. — У меня через две минуты закрывается первый блок. Публика тяжелая. Пятница, зарплатный день, в зале сидят три столика офисного планктона, которые заливают в глотки водку с тоником и ждут мяса. Предыдущий комик только что умер на сцене. Буквально

захлебнулся собственной шуткой про самокаты. Мне нужен кто-то, кто выйдет и врежет им по морде живой правдой.

— Почему я?!

— Потому что у тебя есть яйца, хоть ты и прячешь их под библиотечной юбкой, — Олег схватил меня за плечи, развернул к мутному зеркалу и слегка потряхнул: — Смотри на себя. Тебя муж шесть лет держал за пустое место. Он любовнице твой «Солярис» пообещал! А ты сейчас боишься стайки пьяных клерков? Серьезно, блядь?

Слова хлестнули, как пощечина.

В зеркале отразились мои расширенные, потемневшие зрачки. Злость — та самая, едкая, колючая, которая спасла меня две недели назад — снова зашевелилась где-то под ребрами.

— Листок в кармане? — спросил Олег в затылок.

— В кармане, — выдохнула я.

— Оставь его там. Пойдешь по бумажке — они тебя сожрут. Говори с ними так, будто они пришли забирать твою стиралку. У тебя пять минут. Свет погаснет на четырех с половиной. Пошла.

Он толкнул дверь в коридор.

Гул зала навалился плотной, душной волной. Запах хмеля, табачного дыма и жареного сыра.

— А сейчас на эту сцену выйдет человек, который знает о тишине всё, но сегодня молчать не станет, — раздался в динамиках голос конференсье. — Екатерина Резникова!

Хлопки были редкими, вялыми, ленивыми. Зал пережевывал провал предыдущего парня.

Я поднялась на паллеты. Желтый софит привычно ослепил глаза, превратив столики в копошащуюся темноту.

Микрофон стоял на стойке. Я подошла, сняла его одним резким движением и отставила железную палку в сторону. Провод змеей лег на ковер.

Сердце колотилось в горле. Сделай вдох.

— Добрый вечер, грешники, — сказала я в микрофон низким, грудным голосом.

В первом ряду кто-то замер с вилкой у рта.

— Две недели назад я стояла здесь и рассказывала, что мой муж изменил мне по библиотечному абонементу. Многие думали, что это художественный вымысел. Так вот: Витя до сих пор живет со мной в одной квартире.

Зал тихо хмыкнул.

— Вы знаете, что такое жить с мужчиной, которого ты поймала на измене, но вы оба выплачиваете кредит за посудомойку? — я сделала шаг вперед, к самому краю помоста. — Это не драма. Это холодная война двух пенсионеров. Витя выбрал потрясающую оборонительную стратегию. Он перестал со мной разговаривать и начал демонстративно громко страдать.

Я развела руками:

— Мужские страдания после измены — это отдельный вид стендапа. Он не уходит к Лене. Знаете почему? Потому что у Лены нет мультимедиа с режимом «томление»! Он ходит по кухне в одних семейных трусах, тяжело вздыхает, открывает холодильник, смотрит на суп, закрывает холодильник... И ждет, что я спрошу: «Витенька, тебе разогреть?» А я сижу на табуретке и смотрю на него, как патологоанатом на неопознанный труп.

В глубине зала раздался первый громкий женский хохот.

— Недавно он оставил на столе записку: «Катя, у нас кончился майонез. Нам надо решить, как жить дальше». Понимаете логическую цепочку? Без майонеза этот брак не имеет смысла! Мы шесть лет держались исключительно на жировой эмульсии «Провансаль»!

Хохот прокатился по центральным столикам. Компания мужчин в белых рубашках у бара заржала в голос, толкая друг друга локтями.

— Моя мама вчера позвонила мне и сказала: «Катя, мужчина ходит налево, только когда дома нет уюта. Ты должна его простить и испечь шарлотку». Шарлотку, блядь! Человек пытался втайне переписать на левую бабу машину, а мама считает, что печеные яблоки с корицей нейтрализуют статью о мошенничестве в особо крупных размерах!

Зал взревел.

Женщина за вторым столиком буквально легла грудью на столешницу, сотрясаясь от смеха. Мужик у бара поднял кружку с пивом вверх, салютуя мне.

Воздух стал горячим. Я чувствовала каждую секунду тайминга. Слова лились сами — едкие, точные, как удары скальпеля. Я больше не читала лекцию. Я препарировала свой собственный ад, и этот ад, вывернутый наизнанку, оказался гомерически смешным.

— В общем, девочки, если ваш муж вдруг заговорил о духовном кризисе — сначала проверьте баланс на совместной карте, а потом загляните в бардачок его машины. Духовный кризис в тридцать пять лет обычно пахнет дешевым ванильным ароматизатором и имеет третий размер груди. Спасибо, я Екатерина, читайте книги вовремя!

Я вогнула микрофон обратно в стойку.

Зал взорвался грохотом аплодисментов и свистом. Люди хлопали, стучали бокалами по столам. Это был чистый, стопроцентный, безоговорочный триумф.

Я сошла с помоста на негнущихся ногах.

Олег стоял у звукового пульта. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня, но в янтарных глазах плясали отблески софитов. Он не хлопал.

Когда я поравнялась с ним, пытаюсь вдохнуть остывший подвальный воздух, он молча протянул мне запотевший стеклянный стакан с минералкой.

— Ну что? — выдохнула я, жадно припав к стеклу. — Опять хуйня из дома культуры?

Олег усмехнулся — коротко, едва заметно, одним уголком рта:

— Нет, Резникова. На этот раз это был настоящий стендап.

Он перевернул страницу в своем потрепанном планшете, достал шариковую ручку и уверенным росчерком вписал фамилию в сетку расписания:

— По пятницам в девять вечера. Постоянный слот на семь минут. Ты в обойме.

Я замерла со стаканом в руке:

— Регулярно?

— Регулярно, — подтвердил он, поднимая на меня серьезный, тяжелый взгляд. — Моему клубу нужен хит, Катя. Если мы не соберем полную посадку до конца осени, арендодатель выставит меня на мороз вместе с аппаратурой. Ты умеешь держать зал. Но теперь придется пахать каждую неделю. Никаких соплей и отмазок про картотеку. Договорились?

— Договорились, — тихо, но твердо сказала я.

Я развернулась, чтобы пойти забрать вещи из подсобки, и сунула руку в карман кардигана.

Пальцы нащупали телефон. Я включила экран.

Десять пропущенных вызовов от контакта «Витя».

И последнее сообщение, пришедшее три минуты назад:

«Катя, ты охуела? Где ты шляешься в десять вечера? Почему телефон отключен? У нас кот награл мимо лотка, а я не знаю, где лежит совок!»

Я посмотрела на экран, потом на темную сцену, где под софитом уже крутился следующий комик, и тихо рассмеялась.

Совок, Витюш, теперь лежит исключительно в твоих руках.

ГЛАВА 6. ВИДЕО

Интернет — это помойка, у которой есть одно отвратительное свойство: иногда она превращается в зеркало размером с галактику.

В два часа дня в понедельник меня вызвал в «Три стула» Олег. Не позвонил — прислал короткое: *«Зайди. Срочно. Это не про расписание»*.

В дневном свете бар выглядел еще более облезлым, чем ночью: липкий линолеум, стулья ножками вверх на столах и запах хлорки, которым уборщица тетя Валя пыталась заглушить перегар минувших выходных.

Олег сидел за барной стойкой. Перед ним стоял включенный ноутбук, а рядом лежали три пачки распечатанных чеков и остывший американо. На нем была та же серая толстовка с закатанными рукавами, но под глазами залегли такие синяки, будто он трое суток без перерыва разгружал вагоны с цементом.

— Закрой дверь на задвижку, — бросил он, не поворачивая головы. — А то со двора опять какие-то придурки ломились спросить, когда «та женщина с абонементом» выступает.

Я медленно опустила щеколду, подошла к стойке и оперлась о деревянный поручень: — В смысле — ломились?

Олег молча развернул ноутбук экраном ко мне.

На экране светилась страница VK Видео. На превью застыла я: в унылом сером кардигане, с перекошенным от праведного бешенства лицом и микрофоном, зажатым в кулаке, словно разделочный нож.

Поверх видео кислотно-желтыми буквами горело: *«БИБЛИОТЕКАРША РАЗМАЗАЛА МУЖА-ИЗМЕНЩИКА ПО СТЕНКЕ. ПРОВАНСАЛЬ НЕ ПОМОГ»*.

Счетчик просмотров под роликом показывал: 684 000.

Комментарии: 4 219.

— Это... что? — выдавила я, чувствуя, как внутри всё плавно и неотвратимо падает в ледяную невесомость.

— Это успех, Резникова, — сухо ответил Олег, постукивая пальцем по клавише тачпада. — Кто-то из зала снял твой пятничный сет на айфон в 4К со второго ряда. Звук идеальный, твое злое лицо — крупным планом. В субботу утром залили в городской паблик. К вечеру растащили по шортсам и телеграм-каналам. Сейчас ты в топе рилсов в шести миллионниках.

Он ткнул в комментарии. Строчки побежали перед глазами:

«Господи, про майонез — в точку! Мой бывший такой же тюлень!»

«Мужика жалко, баба чисто стерва, но смешно до слёз». *«Где эта библиотека?! Я иду записываться!»* *«Витя, верни совок, сука!»*

— Меня уволят, — выдохнула я, хватаясь за край стойки пальцами. — Тамара Львовна увидит, и меня выкинут по статье за аморальное поведение прямо на пенсию...

— Насрать на Тамару Львовну, — отрезал Олег. Он захлопнул крышку ноутбука с сухим хлопком. — Ты понимаешь, что произошло? Телефон бара разрывается с утра. Люди бронируют столы на эту пятницу. Тебя требуют. Хотят продолжения про Витю и шарлотку.

— Я не могу шутить только про Витю! — вскинулась я. — У меня... у меня есть другие мысли!

Олег посмотрел на меня своим тяжелым, немигающим взглядом янтарных глаз: — Публике плевать на твои мысли, Катя. Публика увидела бабу со стальными яйцами, которая прилюдно нагнула мелочного козла. Они хотят крови. И пока они платят за вход, ты будешь эту кровь наливать. Вопрос в другом: твой Витя это уже видел?

Во рту мгновенно пересохло. Витя.

Домой я поднималась пешком, игнорируя скрипучий лифт. Сердце колотилось в горле.

Ключ в замке повернулся непривычно легко — дверь не была заперта изнутри на ночную защелку. Значит, он дома. И он не спит.

Я толкнула дверь, шагнула в темную прихожую и сняла кроссовки. В квартире стояла гробовая, тяжелая тишина. Только на кухне что-то монотонно и циклично булькало в динамике смартфона.

Я прошла по короткому коридору.

Витя сидел за столом. Без верхнего света, в синем полумраке от пасмурного окна. На нем были вытянутые на коленях треники и старая футболка. Он сидел неподвижно, уставившись в лежащий перед ним на клеенке телефон.

Из динамика мобильного доносился мой собственный голос, усиленный эхом микрофона:

«...Он не уходит к Лене! Знаете почему? Потому что у Лены нет мультиварки с режимом "томление"!...»

Закадровый дружный хохот зала ударил по кухне. Витя дернулся, нажал на экран, ставя видео на паузу. Картинка замерла.

Он медленно поднял голову. Глаза у него были налиты кровью, крылья носа побелели. Таким я не видела его никогда за шесть лет брака. Не ленивый тюлень, не трусливый врун — передо мной сидел абсолютно уничтоженный, взбешенный самец, с которого прилюдно содрали кожу.

— Это что? — сипло спросил он. Звук вышел низким, скрежещущим.

Я повесила ключи на крючок у косяка, прошла к мойке и включила воду, просто чтобы занять руки: — Это видео, Витя. Ты же сам умеешь пользоваться интернетом.

— Ты... ты понимаешь, что ты натворила, тварь? — он не закричал, он зашипел, подавшись всем корпусом вперед через стол. Руки на столешнице сжались в кулаки. — Мне сегодня в одиннадцать утра Колька из отдела логистики прислал ссылку. С припиской: «Здорово, Провансаль, как там мультиварка?» Потом Серега. Потом начальник базы вызвал в кабинет! Мужики на складе ржут в голос, пальцами тычут! Надо мной смеется вся контора! Вся, блядь!

— А когда ты на чужую бабу оформлял читательский билет, тебе смешно не было? — я повернулась к нему, вытирая мокрые ладони о полотенце. Внутри дрожала струна, но голос оставался ледяным. — Тебе казалось, что это очень остроумно и экономно.

— Я с живым человеком общался! — заорал он, вскакивая со стула так резко, что ножки со скрежетом проехали по линолеуму. Он ткнул пальцем в телефон: — А ты вывалила нашу постель, наш сраный майонез и мою жизнь перед толпой пьяных дегенератов! Ты меня опустила перед всем городом! Ты кем себя возомнила?! Звездой?! Юмористкой хреновой?!

Он шагнул ко мне. Не для удара — Витя никогда не дрался, он слишком боялся ответки. Он навис надо мной, брызжа слюной: — Ты сейчас же берешь свой телефон, звонишь этим уродам в свой вонючий подвал и удаляешь это дерьмо! Слышишь меня?! Удаляешь нахер всё! И больше твоей ноги там не будет! Иначе я...

— Иначе что, Витюш? — я посмотрела ему снизу вверх прямо в бешеные зрачки. И впервые не сделала спасительного шага назад. Не втянула голову в плечи. Не сказала «прости, я не подумала». — На развод подашь? Так ты методичку уже прочитал, алгоритм знаешь. «Солярис» отпилишь? Плов варить заставишь?

Витя задохнулся воздухом. Его лицо из багрового стало синюшным. Он открывал и закрывал рот, но слова кончились. Логика удобного паразита сломалась: манипуляция виной больше не работала.

— Ты стала... мерзкой, — выплюнул он с неприкрытым отвращением. — Злой, циничной, неблагодарной сукой. Стервой.

Я не выдержала. Уголок губ дернулся вверх. — Нет, Витя. Я просто перестала быть бесплатным приложением к твоей простуде. А видео удалить нельзя. У него семьсот тысяч про-

смотров. Тебя теперь даже кассирша в «Ашане» узнает. Гордись. Ты наконец стал популярным логистом.

Витя схватил со стола свой телефон, сунул его в карман треников и с глухим рыком метнулся в коридор. Входная дверь шарахнула о косяк с такой силой, что на серванте жалобно звякнул бабушкин хрусталь.

Я осталась одна на кухне.

В тишине пустого дома мой собственный телефон в кармане кардигана коротко звякнул входящим уведомлением.

Я достала его. Сообщение в Телеграме от контакта «Олег Клуб»: «Пятница, 21:00. Десять минут. Зал забит под завязку. Напиши еще про него. Люди идут на это».

Я опустила руку с телефоном на стол. Они идут на это. На мертвое тело моего брака, разделанное под пиво. Успех наступил. И пах он совсем не аплодисментами.

ГЛАВА 7. ЖАЛОБА

Мсть обиженного мужчины средней полосы России редко бывает кинематографичной. В ней нет взрывающихся вертолетов, дуэлей на рассвете или отрезанных лошадиных голов в постели.

Обиженный мужчина идет строчить донос.

В понедельник в десять утра я заправляла ленту в кассовый аппарат абонемента, когда из отдела периодики на цыпочках прибежала Марина. Очки у нее съехали на кончик носа, а лицо было такого цвета, словно она только что увидела живого призрака Надежды Константиновны Крупской.

— Катька... — прошептала она, наваливаясь грудью на деревянный барьер стойки. — Бросай ленту. Львовна вызывает.

Я аккуратно защелкнула пластиковую крышку аппарата:

— Что, опять фонд детской классики не сходится с описью?

— Если бы, — Марина нервно оглянулась на коридор. — Там Резников накатал телегу. На двух листах, через полуторный интервал, с ссылками на Кодекс профессиональной этики библиотечного работника от девяносто шестого года! Львовне уже из префектуры звонили! Она там корвалол прямо из пузырька глушит!

Я положила сканер на базу. Металлический контакт сухо звякнул.

Значит, вот как, Витенька. Стендап тебе не понравился. Шутка про сорок рублей пени задела тонкую душевную организацию специалиста по паллетам и накладным.

— Спасибо, Марин, — спокойно сказала я, поправила серый кардиган и пошла по длинному линолеумному коридору к директорской двери с золоченой табличкой.

В кабинете Тамары Львовны пахло аптекой, пыльными портьерами и дешевым растворимым цикорием. Сама хранительница духовности сидела за монументальным дубовым столом, подперев виски обеими ладонями. Перед ней, прямо поверх квартального отчета по списанию ветхой периодики, лежали два отпечатанных на принтере листа со знакомой кривоватой закорючкой внизу.

Подпись гражданина Резникова Виктора Сергеевича.

— Закрой дверь, Екатерина, — замогильным голосом произнесла Тамара Львовна, не поднимая головы. — Плотно закрой. На щеколду.

Я закрыла дверь, подошла к столу и встала напротив, сложив руки на животе. Садиться директор не предложила.

Тамара Львовна медленно подняла голову. Ее очки на цепочке угрожающе блеснули в свете настольной лампы:

— Скажи мне, Катя... Мы сколько лет вместе работаем?

— Шесть, Тамара Львовна.

— Шесть, — она с силой припечатала сухую ладонь к столу. — Шесть лет я считала тебя тихой, благонадежной, скромной девочкой. Без амбиций, без закидонов, без... вот этого непотребства! А ты, оказывается, по ночам в кабаках матом кроешь со сцены?!

Она подцепила ногтем первый лист бумаги и с брезгливостью повернула его в мою сторону:

— «Заявление о нарушении морального облика сотрудника государственной бюджетной организации культуры». Твой муж пишет, Катя! Пишет, что ты публично, в присутствии лиц в состоянии алкогольного опьянения, распространяешь клеветнические сведения о его половой жизни и бытовых привычках! Оскверняешь институт брака! И используешь служебное положение — формуляр читательский приплекла, паразитка!

Я опустила взгляд на строчки.

«...Указанная Резникова Е.А., пренебрегая званием библиотекаря, цинично высмеяла процесс закупки майонеза и нанесла непоправимый урон моей деловой репутации среди коллег по складскому комплексу...»

Боже мой. Он реально это написал. Собственными пальцами тыкал в клавиатуру, выверяя канцеляризм, чтобы прикрыть ими факт того, что его любовница целовала в сопливый нос за счет чужого автомобиля.

— Тамара Львовна, этот «пострадавший» оформил абонемент на бабу, с которой крутит роман за моей спиной. И забыл сдать книгу по разводу.

— Да хоть на крокодила он его оформил! — взвизгнула директорша, срываясь на ультразвук. — Это ваше личное, семейное дело! Бросайся в него сковородками дома! Бей тарелки! Подавай в суд! Но выносить это в интернет? Мне сегодня в девять пятнадцать лично звонил заместитель префекта по гуманитарным вопросам! Спрашивал, почему библиотека имени Чехова фигурирует в ролике под названием «Библиотекарша размазала мужа»? Ты понимаешь, что у нас на носу комиссия по распределению грантов на ремонт фасада?!

— Понимаю, — кивнула я.

— Ни черта ты не понимаешь! — Тамара Львовна шумно втянула воздух через нос, достала из кармана носовой платок, промокнула верхнюю губу и взяла себя в руки. Тон ее внезапно сменился с яростного на вкрадчивый, наставительный. Тот самый липкий тон, которым людей уговаривают добровольно пойти на эшафот: — Значит так, Катенька. Мы этот срам замнем. Я человек не злой. За шесть лет я к тебе привыкла. Ты аккуратная, карточки заполняешь без помарок.

Она выдвинула верхний ящик стола и положила передо мной чистый лист бумаги и шариковую ручку:

— Пиши. Первое: объяснительная на имя префекта, что видеозапись является постановочной шуткой, не имеющей отношения к твоей реальной моральной позиции. Второе: публичное опровержение на твоей личной странице. С извинениями перед мужем за некорректный юмор. Третье: ты даешь мне письменное обязательство больше никогда — слышишь, никогда! — не приближаться к этим злачным заведениям с микрофоном.

Я посмотрела на белый лист. На дешевую синюю ручку.

Потом перевела взгляд в окно кабинета. Там, через дорогу, мокли под мелким октябрьским дождем желтые буквы вывески кафе «Бублик».

«Извинись перед мужем». «Свари плов». «Не позорься, комик из библиотекарша».

Шесть лет я заполняла чужие формуляры и извинялась за то, что существую. За то, что дышу, за то, что чай остыл, за то, что на улице идет дождь, за то, что Витеньке жмет воротник. И если я сейчас возьму эту ручку — я останусь здесь навсегда. Буду до шестидесяти лет сидеть в пыли за двадцать восемь тысяч рублей в месяц, прятать глаза от читателей и ждать, пока Витя соизволит поделить наш десятилетний «Солярис».

— Нет, Тамара Львовна, — тихо произнесла я.

Директор замерла. Рука с платком повисла в воздухе:

— Что — «нет»?

— Я не буду писать опровержение. И извиняться перед Виктором Сергеевичем я не стану.

— Ты... ты в своем уме, Резникова? — Тамара Львовна побагровела. — Ты понимаешь, что это увольнение по статье? За несоответствие занимаемой должности! За аморальное поведение! Куда ты пойдешь? Кому ты нужна в тридцать два года с дипломом библиотечного факультета?! Тебя даже в ларек с шаурмой не возьмут!

Я пододвинула чистый лист к себе. Взяла ручку.

Пальцы больше не дрожали. Внутри разлилась странная, звенящая, холодная тишина. Точно такая же, какая наступала на сцене за секунду до того, как зал взрывался смехом.

«Директору библиотеки им. А.П. Чехова... Прошу уволить меня по собственному желанию с 14 октября...»

Я поставила четкую, размашистую подпись и положила лист поверх кляузы мужа.

— По собственному желанию, Тамара Львовна. Чтобы не пачкать отчетность для префектуры. Трудовую книжку отдайте сегодня до пяти вечера.

Директор смотрела на мое заявление так, словно я только что высморкалась в подлинник первопечатного «Апостола» Ивана Федорова. Рот ее беззвучно открывался и закрывался.

— Сумасшедшая... — прошептала она с искренним ужасом. — Чистая сумасшедшая...

Я развернулась, отщелкнула задвижку и вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В коридоре меня ждала Марина. Она вцепилась в мой рукав: — Ну что?! Что она сказала?!

— Сказала, что в ларьке с шаурмой высокая конкуренция, — я улыбнулась подруге. — Пойдем, Мариш. Поможешь мне сложить кружку и комнатный кактус.

Мой телефон в кармане глухо завибрировал. Я достала его на ходу. На экране светилось короткое входящее от Олега:

«На пятницу добавили еще два стола, люди сидят на головах. Напиши блок про то, как мужья пишут кляузы начальству. Жду черновик к вечеру».

Я набрала ответ тремя пальцами: *«Черновик уже готов. Пишу с натуры»*.

Библиотека больше не была моим домом. Теперь моим домом становился подвал.

ГЛАВА 8. УВОЛЬНЕНИЕ

Картонная коробка из-под офисной бумаги — это универсальный гроб для шести лет стабильности.

В нее поместилось поразительно мало: керамическая кружка с надписью «Ш-ш-ш!», потрепанный плюшевый мишка, подаренный кем-то на позапрошлый Новый год, три черных капиллярных ручки и горшок с чахлым кактусом, который я поливала исключительно из чувства солидарности с его колючей бессмысленностью.

Марина заклеила дно коробки широким серым скотчем, с треском отрывая полосы зубами: — Львовна даже не вышла попрощаться. Заперлась в методичке и делает вид, что считает формуляры за восемьдесят второй год. Сука старая.

— Ей ремонт фасада важнее, Марин. Логика понятная.

Я взяла коробку снизу обеими ладонями. Вес был смехотворным — килограмма полтора. А казалось, будто я держу в руках чугунную плиту от надгробия. В кармане шерстяного кардигана лежала тонкая книжица в синей корочке — моя трудовая с аккуратной синей печатью.

«Уволена по собственному желанию».

Двадцать восемь тысяч рублей в месяц. Моя цена за молчание и право каждые три недели сдавать отчет по просроченным читателям. Теперь не было даже этого. Ни аванса двадцатого числа, ни профсоюзного подарка к Новому году в виде коробки невкусных вафельных конфет.

Марина распахнула передо мной тяжелую стеклянную дверь вестибюля, пропуская в сырые осенние сумерки: — Ты как, Катка? Не поплывешь?

— Плыть дорого, — я усмехнулась, перехватывая коробку поудобнее. — Бензин подорожал, а весла у меня Витя при разводе отпилит. Пойду радовать супруга плодами его эпистолярного творчества.

На улице моросил липкий октябрьский дождь.

Дома в коридоре горел свет. Витя уже вернулся со своей логистической базы.

Я толкнула входную дверь плечом, шагнула на коврик и первым делом с глухим стуком опустила картонную коробку на тумбу для обуви. Руки гудели.

Из кухни неторопливо вышел Витя. В серых спортивных штанах, в помятой футболке с логотипом автосервиса, с большой кружкой в руке. Лицо его выражало ту самую мерзкую, сытую торжественность следователя, который точно знает, что подозреваемый сломался в камере.

Он опёрся плечом о дверной косяк кухни, отпил из кружки и скосил глаза на коробку с кактусом: — Опаньки. А что это за гербарий? На субботник собралась?

Я молча расстегнула пуговицы пальто, сняла его и повесила на крючок. Достала из кармана синюю трудовую книжку и положила ее на коробку прямо перед его носом.

Витя опустил взгляд. Прочитал золотые буквы на обложке.

Бровь его насмешливо вздернулась:

— И что это значит? Тебя отстранили до выяснения?

— Нет, Витюш, — я присела на пуфик, расшнуровывая кроссовки. — Я уволилась. Сама. Час назад.

Кружка в его руке на миллиметр накренилась, плеснув темным растворимым кофе на край белого блюдца.

Самодовольная сытость мгновенно смылась с его лица, сменившись растерянным, глупым ступором. План дал фатальный сбой: жертва вместо того, чтобы молить о пощаде и варить извинительный плов, просто снесла к чертовой матери всю игровую доску.

— В смысле... уволилась? — выдавил он, выпрямляясь. — Ты ебанулась, Катя? Тебе же русским языком было сказано: напиши извинения, закрой пасть со своим микрофоном и работай дальше! Ты зачем заявление швырнула?!

— А затем, что твои сорок рублей просрочки за чужой блуд не стоят того, чтобы я кланялась префектуре, Резников.

Я поднялась на ноги. В прихожей было тесно, но я сделала шаг вперед, вынуждая его отступить обратно на кухню.

Витя побагровел. Ярость взорвалась в нем с той визгливой, бабьей силой, которая всегда прорывалась наружу, когда рушился его комфорт: — Ты дура! Набитая, тупая библиотечная дура! Ты на что жрать будешь, а?! Ты думаешь, я тебя кормить стану?! Я ни копейки тебе больше не дам! Ни на коммуналку, ни на хлеб! Ты с голоду сдохнешь на своем сраном диване!

— Переживу как-нибудь.

— Не переживешь! — он замахал свободной рукой, расплескивая кофе по линолеуму. — Ты ноль без палочки! У тебя профессия — книжки протирать! Ты через три дня в ноги ко мне кинешься! Приползешь, сука, на коленях в ноги мне выть: «Витенька, прости, помоги, дай на проезд!» А я не дам! Поняла?! Пальцем о палец не ударю!

В тишине квартиры этот визг звучал жалко и оглушительно пусто. Я смотрела на чело века, с которым делила постель шесть лет, и не чувствовала даже злости. Только глубокую, холодную брезгливость, с какой смотрят на раздавленного на стекле слизня.

В кармане моего пальто, висящего на крючке, резко зазвонил телефон.

Витя осекся, нервно дернув кадыком.

Я спокойно подошла к вешалке, вытащила смартфон. На экране горело: «Олег Клуб».

Я провела пальцем по экрану и прижала трубку к уху: — Да, Олег.

— Резникова, ты где? — голос Олега из динамика был сухим, хриплым и предельно деловым. Фоном гудел рабочий подвал бара: грохотали пивные кеги, настраивался бас-гитарный комбик.

— Дома. Любуюсь семейной идиллией.

— Заканчивай любоваться. Мне звонили из арт-пространства на «Флаконе». У них в эту субботу тематический вечер: женщины в кризисе, психологический юмор, вся эта современная байда. Спросили, могу ли я подтянуть «ту тетку, которая уделала мужа с абонементом».

Я замерла. Витя за моей спиной затих, жадно вслушиваясь в приглушенный динамик.

— И что ты сказал?

— Сказал, что у нее плотный график, но за бабки она подумает, — хмыкнул Олег. — Слот на пятнадцать минут. Гонорар — пять тысяч на руки сразу после выхода. Плюс проходка на бар.

Пять тысяч.

За пятнадцать минут разговора. За три моих библиотечных рабочих дня среди пыли и окриков Львовны.

Сердце внутри пропустило тяжелый, гулкий удар. Земля качнулась, но не ушла из-под ног — наоборот, вдруг встала намертво.

— Я согласна, Олег.

— В субботу в шесть вечера саундчек. И напиши нормальную добивку про его донос, не халтурь. Зал будет ждать.

Связь оборвалась.

Я опустила телефон, повернулась лицом к мужу.

Витя стоял у косяка, все так же держа кружку двумя руками, но теперь его пальцы заметно подрагивали. Лицо вытянулось.

— Кто это был? — сипло спросил он. — Какой еще гонорар? Тебе... за это дерьмо платят?

Я подошла к тумбе, взяла из коробки свой колючий кактус и бережно прижала горшок к груди.

— Платят, Витюш. За каждый твой просроченный поцелуй в носик. Так что ты продолжай строчить кляузы. Каждая твоя жалоба — это примерно полторы тысячи чистыми к моему следующему выступлению.

Я обошла его по дуге и направилась в гостиную к своему дивану.

За спиной раздался звон: Витя с грохотом швырнул кружку в кухонную раковину.

Я села на скрипучий диван, поставила кактус на журнальный столик рядом с тетрадью «Не смешно» и глубоко вздохнула.

Было страшно. До тошноты, до ледяного спазма в затылке. Но под этим страхом впервые в жизни горело такое бешеное, свирепое пламя, которое уже никакой Витя не смог бы залить своим остывшим растворимым кофе.

ГЛАВА 9. ТУР

Гастроли независимых комиков по провинции романтично выглядят только в кино.

Там обычно показывают залитые закатным солнцем хайвеи, неоновые вывески мотелей и брызги шампанского из горлышка. В реальности тур — это пропахший соляркой и несвежей шаурмой микроавтобус «Мерседес» 2008 года выпуска, в котором печка дует либо ле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.